

МАРИНА СЕРОВА

Млечный путь

Сериал
"Частный детектив Татьяна Иванова"

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Млечный путь

«Научная книга»

2009

Серова М. С.

Млечный путь / М. С. Серова — «Научная книга»,
2009 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Свадьба Вячеслава и Вероники должна состояться всего через несколько дней. Однако внезапно пропадает жених. По поручению шефа парень вез крупную сумму денег, но так и не доставил по месту назначения. Невеста в отчаянии. Друг Вячеслава адвокат Родион Перетурин обращается за помощью к знаменитому частному детективу Татьяне Ивановой. Татьяна понимает, что дело, скорее всего, в деньгах. Но директор Вячеслава против всякого ожидания утверждает: сумма была смешная, убивать там не за что. Между прочим Иванова узнает: некоторое время назад влюбленные крупно поссорились. Решив расспросить Веронику о причине, сыщица едет к ней домой и застаёт «Скорую», увозящую девушку в больницу с проломленной головой...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Марина Серова

Млечный путь

ГЛАВА 1

Несмотря на то что лето как таковое еще не началось – на дворе царил ласковый месяц май, – погода в наших краях установилась на редкость жаркая. Столбик термометра с раннего утра неуклонно стремился ввысь и часам к десяти прочно застревал на отметке +35, упорно не желая снижаться до самого вечера. Лишь ближе к ночи наступало долгожданное облегчение, когда температура опускалась градусов до 28. Это в сложившихся условиях уже было вполне приемлемо.

Дома-то я от жары не страдала: обновленная совсем недавно сплит-система была мощной, режим ее я принципиально выставляла на +17, так что спать ложилась под одеялом. Но вот на улице... На улицу выходить не хотелось совершенно. Ощущение свежести терялось уже в первые секунды попадания в огнедышащий городской водоворот, начинала кружиться голова, в которой билась одна и та же мысль: домой, домой! Домой, к прохладному, освежающему ветерку, плавно выдуваемому новенькой сплит-системой, к холодному соку и минералке, к одеялу, в конце концов, в которое можно уютно завернуться, когда в комнате станет совсем не по-летнему свежо...

Естественно, о работе в такой обстановке я не хотела даже думать. Ведь при моей профессии это означает, что сидеть под ветерком и наслаждаться прохладой мне не придется, дома предстоит больше отсутствовать, если, конечно, я хочу раскрыть преступление и заслуженно получить гонорар.

Я даже в магазин-то старалась не выходить, забив продуктами холодильник и морозильную камеру и теперь лишь подогревая их в микроволновке. О том, чтобы включить кухонную плиту, и речи быть не могло: я принципиально игнорирую ее весь жаркий сезон. А подогретая в микроволновке пицца плюс салатик из свежих овощей, не требующий термической обработки, вполне меня устраивают. А уж йогурты и творожки на завтрак и вовсе незаменимы.

Одним словом, я решила устроить себе отпуск, причем вполне заслуженный: недавно завершила очередное расследование, перед которым было еще три, так что всю весну я, можно сказать, вкалывала не покладая рук. И теперь имела полное право отдохнуть. Я даже подумывала о том, чтобы уехать куда-нибудь из Тарасова, но в традиционные курортные места как-то не тянуло, ибо я понимала, что там в плане погоды встречу как раз то, от чего хотела бы сбежать. А ехать куда-нибудь к Полярному кругу или, наоборот, в Антарктиду казалось мне слишком большим экстримом. Так что я оставила до поры до времени мысли о поездке, решив покуда наслаждаться покоем дома, а дальше видно будет.

И вот, покончив с легким завтраком, я забралась на диван со стаканом апельсинового сока и щелкнула пультом телевизора. Однако одновременно с включившимся каналом ожил и телефон: длинные гудки огласили комнату, и я нехотя потянулась к трубке.

– Добрый день, можно побеседовать с Татьяной Александровной Ивановой? – Довольно приятный мужской баритон был мне незнаком.

– Да, слушаю, – вяло отреагировала я, внутренне готовясь отказаться от любого предложения, если только это не будет предложением переместить меня в райское место, где царит прохлада и есть все необходимое для комфорта. Впрочем, и тут я бы еще могла подумать, ибо таким местом на данный момент являлась моя квартира.

– Вас беспокоит Родион Евгеньевич Перетурич, я ваш, если можно так выразиться, коллега...

– Вот как? – лениво протянула я, отметив, что никогда не слышала фамилию Перетуриин среди своих знакомых.

– Да, я много слышал о вас, давно слышал, и только хорошее, – зачастил Родион Евгеньевич, – и вот теперь у меня появилось одно дело, которое я хотел бы с вами обсудить... У меня пропал друг, и я очень просил бы вас расследовать его исчезновение.

– А что же вы сами не возьметесь за расследование... коллега? – зевнув, полюбопытствовала я.

– Я, возможно, не совсем точно выразился, – смущенно заторопился Перетуриин. – Дело в том, что я вовсе не детектив – я адвокат и далек от проблем сыска. Под словом «коллега» я подразумевал, что мы с вами оба имеем юридическое образование. Правда, опираясь на кое-какой прошлый опыт, я тут попробовал провести предварительное расследование, но, увы, понял, что преувеличил собственные силы. Одним словом, я в тупике и полном замешательстве. Уважаемая Татьяна Александровна! Простите, но у меня на вас вся надежда! Милиция об этом деле и слышать не хочет! Прямо так мне и заявили: а труп есть? Нет? Ну и что вы хотите? Мол, если бы был труп, то тогда понятно – нужно искать убийцу. А здесь просто исчезновение. К тому же еще, как выяснилось, большое значение приобретает один момент. Денежный. И это усугубляет ситуацию. Но по телефону мне не хотелось бы обсуждать связанные с ним подробности...

– Да, я поняла, – остановила его я. – По телефону и впрямь не стоит это обсуждать. Но... Я стала подбирать слова, чтобы вежливо, но решительно отказаться от приглашения.

– Татьяна Александровна, – решительно перебил меня Перетуриин. – У пропавшего Вячеслава есть сестра, она согласна заплатить за то, чтобы все выяснить. Если этого не хватит, добавлю я. Я знаком с вашими расценками, я сообщил их Ксении, она согласна.

«Да, но я-то не согласна, – усмехнулась я про себя. – При чем тут мои расценки? Понятно, что я работаю не за спасибо».

– Вообще-то я в отпуске, Родион Евгеньевич, – со вздохом сообщила я. – И в ближайшие по крайней мере две недели не собираюсь братья ни за какие дела.

– Я вас понимаю, понимаю, – Перетуриин явно отказывался принимать мои доводы. – Но и вы поймите: ведь речь, возможно, идет о жизни и смерти! Мне говорили о вас как о человеке справедливом и гуманном, и я очень рассчитывал на вашу помощь. Если за работу в период отпуска вы хотите получить больше, мы готовы обсудить это...

– В период отпуска я хочу отдыхать, – заметила я, думая про себя, что Перетуриин как профессиональный адвокат довольно умело использует такой банальный, но действенный прием, как лесть.

– Это понятно, понятно, – снова зачастил Родион Евгеньевич. – Но вы же сами себе хозяйка, вы вполне можете сдвинуть свой график и отдохнуть чуть позже. Думаю, что расследование не займет много времени – ну, несколько дней, и вы будете свободны! К тому же я смотрел прогноз погоды, через неделю ожидается спад жары, а отдыхать в прохладное время гораздо приятнее... Вы ведь сейчас даже на курорте не сможете расслабиться, будете сидеть в отеле, и все! Ну какой это отдых?

«Ну, я не стала бы так сгущать краски», – подумала я, а Перетуриин тем временем продолжал:

– А на заработанный гонорар вы вполне сможете себе позволить расслабиться в благоприятных условиях. Всего-то нужно подождать несколько дней! Зато вы поможете многим людям. Ведь за Вячеслава переживают не только его родственники, но и друзья!

– Это, конечно, весомый аргумент, – снова вздохнула я. – Но я сразу предупреждаю: подробности исчезновения вашего друга я выслушаю только у себя дома. Так что если хотите, приезжайте и рассказывайте.

– Конечно-конечно, – обрадовался Перетуриин. – Я подъеду очень скоро, не сомневайтесь!

– Не сомневаюсь, – проворчала я в трубку, в которой уже всю пищу короткие гудки: ловкий адвокат поспешно прервал связь, видимо, боясь, что я передумаю.

«Ну ничего, – пыталась я успокоить себя, наливая в стакан новую порцию апельсинового сока, – может быть, я еще и откажусь от этого дела. Кто знает, какие там подробности?»

Перетурин явился через пятнадцать минут. Он был высок, широк в плечах и довольно молод: лет двадцати семи, не больше. Неудивительно, что я еще не слышала о нем как о звезде местной юриспруденции. Вместе с тем выглядел Родион Евгеньевич очень представительно: отглаженная белая рубашка, идеально сидящие светлые брюки, слегка волнистые тщательно уложенные каштановые волосы. Создавалось впечатление, что этот человек совершенно не страдает от жары.

– Татьяна Александровна? – Он оглядел меня несколько недоверчиво. Возможно, ожидал увидеть даму более зрелого возраста, а может быть, более солидного вида. Я же была облачена в домашние брючки до колен и яркую футболку в полоску, без макияжа, с забранными в скромный удобный хвост волосами.

– Да, это я, прошу, – не стала я терять время и сделала приглашающий жест в сторону комнаты.

– Знаете, я только сейчас ощутил, как же на улице жарко, – опускаясь в кресло, с улыбкой сообщил Перетурин. – Когда оценил работу вашего кондиционера.

– Если бы не она, вы меня, скорее всего, не застали бы. Я бы просто уехала туда, где льды. Кофе, чай, сок?

К моему удивлению, Перетурин выбрал кофе. Пришлось идти на кухню и активировать кофеварку. Здесь нужно заметить, что даже я, заядлая кофеманка, в последние дни ограничивалась прохладительными напитками, кофе пила лишь по утрам. И это при том, что я-то весь день балдею под сплит-системой, а Перетурин явился с раскаленной улицы. Правда, может быть, у него в офисе тоже хорошо охлажденный воздух?

Так или иначе, но я сварила кофе на двоих – так уж и быть, составлю компанию «коллеге» – и поставила на столик две дымящиеся чашки.

– Вы рассказывайте, пока он остывает, – предложила я, усаживаясь напротив. – Начните с главного: когда пропал ваш приятель и при каких обстоятельствах? Кажется, его зовут Вячеслав...

– Да, Вячеслав Колесников, – тут же заговорил Перетурин. – Это случилось три дня назад. Мне позвонила его сестра Ксения и сообщила, что Вячеслав пропал. Сама Ксения находилась то ли на соревнованиях, то ли на сборах – она спортсменка. Сказала, что телефон Вячеслава молчит и домашний тоже не отвечает. Я сначала не придавал этому особого значения – ну, мало ли какие дела могут быть у человека! Но Ксения настаивала, и я съездил к нему. Дома его не оказалось, в квартире сестры тоже. Его невеста также не знает, где он... Все это очень странно, потому что Вячеслав через несколько дней должен был жениться на Веронике.

– Труп, как вы говорите, не обнаружен? – перебила его я.

– Нет, – ответил Перетурин.

– А что за денежный момент, о котором вы упоминали по телефону?

– Вячеслав, по утверждениям его сестры, был должен кому-то деньги. Но кому, она не знает.

– А что она знает? Факты, факты!

– Да мало что она знает. К тому же, не забывайте, что мы говорили с ней по телефону, она звонила из другого города...

– А когда она будет в Тарасове?

– Вроде бы завтра.

Перетурин отставил чашку с кофе и вскочил с кресла.

– Понимаете, Татьяна, это дело очень подозрительное, – заговорил он, расхаживая по комнате из угла в угол. – Если честно, я почти уверен, что Вячеслава убили. Мы с ним дружим давно, и я считаю, что просто обязан докопаться до сути. К тому же тут имеются два момента. Во-первых, у него на днях должна была быть свадьба. Во-вторых, он в своей клинике...

– Погодите, погодите, – остановила я Родиона Евгеньевича. – Расскажите-ка мне все по порядку и как можно подробнее. Вообще-то я впервые слышу о некой клинике.

– Клиника – это место, где он работает. Я даже там был пару раз, зуб лечил, когда он разболелся. Вообще-то у меня все зубы хорошие... – смущенно добавил он зачем-то.

– Вам крупно повезло, – кивнула я. – Значит, клиника стоматологическая?

– Да, – подтвердил Перетуриин. – Вячеслав в свое время закончил мединститут, долгое время работал в «Скорой помощи», потом в поликлинике, а тут его приятель-стоматолог организовал частную клинику и позвал его на руководящую работу. Правда, Вячеславу пришлось подучиться, повысить квалификацию, все-таки он не по стоматологии специализировался в институте... Но приятель помог.

– Во как! – покачала головой я. – Что, такой хороший приятель?

– Вообще-то я с ним не слишком близко знаком, – помолчал, ответил Перетуриин. – Можно сказать, вообще не знаком. Это его институтский приятель, медик, а я заканчивал юридический. Один раз мы случайно оказались вместе за одним столом, вот и все.

– И какое он произвел на вас впечатление?

– По правде сказать, никакого, потому что все уже достаточно выпили, расслабились, – несколько смущенно признался Родион. – Я вообще на него почти не обратил внимания. Помню только, что пили с ним на брудершафт, но это ничего не значит. Там все пили...

– Понятно, – кивнула я. – А с невестой вашего друга вы знакомы хорошо?

– Конечно, знаком. И очень хорошо к ней отношусь. Только она еще до конца не понимает, что случилось. Больше всех волнуется Ксения. Она, честно говоря, в шоке, но это и понятно... Третий день ни слуху ни духу!

– То есть раньше не было прецедентов?

– Нет, что вы! То есть я, конечно, не следил двадцать четыре часа в сутки за действиями Вячеслава, но Ксения говорит, что никогда он никуда не уезжал, не предупредив ее. Или Веронику. Тем более за несколько дней до свадьбы!

– А может быть, это... типа сюрприз такой? – предположила я, усмехнувшись. – Ну, решил какой-то подарок будущей жене купить, который продается где-то за пределами Тарасова...

– Да ну... Что же это такое может быть? – нахмурился Родион, задумавшись над моими словами. – По-моему, сейчас можно в любом месте купить все что угодно, были бы деньги. Да и все равно, он мог сделать как-то по-другому. Ну вот, например, если бы я решил так поступить, – горячо заговорил он, – я бы, безусловно, предупредил, что, так, мол, и так, уезжаю по делам, не волнуйся... Только не уточнял бы, по каким. А потом привез ей этот подарок, будь он неладен! Не представляю только, честно говоря, что же это может быть такое, за чем стоит ехать за три моря. Да и к тому же, – спохватился он, – все это не то. Вы же еще не знаете, как именно он пропал!

– Вот-вот, – подхватила я. – Вы мне еще говорили про деньги. Что за деньги, чьи, сколько и все такое. Расскажите, пожалуйста, все, что вам успела сообщить сестра Вячеслава.

– По ее словам, он был должен кому-то деньги. Не знаю, какую сумму, но, по-моему, достаточно крупную. По пути на встречу он заехал, кстати, к Ксении домой за таблетками от головы и все это рассказал ей между делом, сославшись на то, что его ждут люди. А вечером обещал приехать к ней, причем пораньше, поскольку, кроме возврата этих денег, у него больше дел не было. К тому же он должен был позвонить невесте. Но вечером он не приехал, и Ксе-

ния улетела на свои сборы. Оттуда звонила брату несколько раз, но в ответ, как говорится, тишина...

– А вы разговаривали с кем-то еще, кроме сестры? На работу хотя бы звонили?

– Звонил, звонил! – замахал руками Родион. – А как же! Трубку взяла секретарша, сказала, что Вячеслава нет три дня и что они все тоже очень волнуются и ничего не знают. На этом, собственно, разговор и закончился.

– А с самим этим приятелем, который устроил Вячеслава на работу, вы не беседовали? И как, кстати, его зовут? – спросила я.

– Зовут его Эдуард Россошанский, но побеседовать с ним мне не удалось, его в тот момент не было на работе. Но Людмила – секретарша – пояснила, что он сам находится в недоумении по поводу отсутствия Вячеслава на работе.

«Ну что ж, – подумала я. – Первые шаги в расследовании мне очевидны. Это посещение клиники и невесты Вячеслава. Возможно, уже это поможет что-то прояснить, а дальше будет видно. И Родиона, наверное, лучше взять с собой, по крайней мере, на работу».

Подумав об этом, я поймала себя на мысли, что, рассуждая таким образом, я уже согласилась на расследование. Что же могло меня побудить к этому? Видимо, только любовь к своей профессии и интерес к делу Перетурина. Признаюсь, мне всегда были интересны дела, связанные с исчезновением людей.

– То есть больше вы ничего не знаете? – спросила я.

– Увы, – развел руками Перетурина, возвращаясь в кресло и принимаясь наконец за остывший кофе.

– Подождите минутку, я сейчас, – проговорила я, поднимаясь со своего места и направляясь в другую комнату.

Оттуда я вернулась уже одетая в светлое летнее платье, с легким макияжем и белой сумочкой через плечо.

– Родион, вы поедете со мной? – обратилась я к Перетурина. – Я собираюсь в клинику для беседы с коллегами Вячеслава Колесникова.

– Да, конечно, – с готовностью кивнул Перетурина, вскакивая с кресла. – Спасибо вам, Татьяна! Спасибо, что согласились. Ну что, идем? Моя машина ждет внизу.

– Вы пока спускайтесь, я сейчас подойду, – сказала я. – У вас какая машина?

– Синий «Фольксваген», – улыбаясь, ответил Перетурина и вышел из квартиры.

Я же поспешила сделать еще одно важное для меня дело, без которого старалась не начинать ни одного своего расследования. Достав из сумочки замшевый мешочек с гадальными костями, сунула в него руку и любовно погладила гладкие поверхности двенадцатигранников.

– Ну что, дорогие мои помощники? – вслух обратилась я к ним. – что же нас ожидает на сей раз?

И высыпала кости на диван.

19+1+33 – увлечение делом. Живой интерес к нему не позволит лени или скуке проникнуть в вашу жизнь.

– Что ж, – усмехнулась я, сгребая кости и убирая их обратно в мешочек. – Значит, я сделала правильный выбор!

ГЛАВА 2

В машине Перетурина можно было с ума сойти от палящего солнца – не помогали даже опущенные до предела стекла. Как обычно, на Центральной образовалась гигантская пробка. Угодивший в нее Родион сидел и тихо ругался сквозь зубы, понимая, что не в силах ничего изменить. Я старалась хранить спокойствие, хотя ощущала, что удается мне это плохо. Мысленно я уже ругала себя за то, что согласилась на расследование, а также негодовала на Перетурина, который не позаботился о кондиционере в своей машине. Мы с ним почти не разговаривали, предпочитая вялое, тихое ожидание. Пробка потихоньку рассасывалась. Очнувшись, адвокат нажал на педаль.

– Недалеко уже, – проговорил он, не то обращаясь ко мне, не то подбадривая самого себя.

Вскоре мы остановились возле шестиэтажного здания. Это был жилой дом, о чем свидетельствовали балконы, на некоторых из которых висело белье. Стены дома были кирпичными и довольно стандартными, и только два нижних этажа выделялись из общего облика здания. Стены здесь были отделаны красивыми плитками светло-зеленого цвета с рисунком, чередующимися с ровными белыми рейками, расположенными горизонтально. Дверь, сверкающая новыми стеклами, также была отделана белым, а изящные ручки выполнены из материала, чем-то напоминающего слоновую кость. Пространство на земле перед дверью также было выложено плитами – под мрамор. Над дверью красовалась вывеска, выполненная очень строго и аккуратно, без всяких вензелей и завитушек – «СТОМАТОЛОГИЧЕСКАЯ КЛИНИКА «ДЕНТА-ОПТИМА».

Странно, мне раньше не раз доводилось проезжать мимо этого здания, но я никогда не обращала внимания на то, как оно преобразилось. Понятно, что клиника открылась не очень давно, но я почему-то проигнорировала этот факт. Впрочем, строительство в нашем городе в последнее время ведется весьма активно, новые дома растут буквально как грибы после дождя, а уж всяких частных фирм открывается-закрывается не счесть. К услугам стоматологов я прибегаю крайне редко, за что благодарю судьбу, так что, в принципе, неудивительно, что я не обратила внимания на «ДЕНТА-ОПТИМУ».

– Нам сюда, – кивнул Родион, выходя из машины.

Внутри клиники все было столь же чисто и презентабельно, как снаружи. С левой стороны находилась регистратура, и мы с Родионом в первую очередь направились туда, чтобы выяснить, где можно найти Эдуарда Россошанского. Сидевшая за окошком девушка в голубом халате и строгом чепчике объяснила, как пройти в кабинет Россошанского, и мы с Перетуриным поднялись на второй этаж.

На стук в дверь послышалось короткое «да», и Родион решительно нажал на дверную ручку.

– Привет, – сразу же с улыбкой обратился он к хозяину кабинета, проходя внутрь. – Не узнаешь меня?

– Ну почему... – после паузы раздался не очень уверенный ответ. – Проходи, поговорим.

Эдуард Россошанский был симпатичным брюнетом, с живыми, умными карими глазами, невысоким и широкоплечим. Директор клиники был гладко выбрит, слегка благоухал хорошим парфюмом, а одежда его выглядела безукоризненно. Во всем его облике чувствовалась основательность и солидность. Держался он строго и с достоинством, но без помпезности.

– Дело в том, что я не один, – сказал Перетурина и пропустил вперед меня. – Со мной вот частный детектив пожаловал...

На лице Россошанского появилось непритворное удивление, особенно когда он увидел, что в роли частного детектива выступает довольно молодая, хрупкая с виду женщина. Однако он ничего не спросил, просто продолжил смотреть на меня, и Перетурина поспешил пояснить:

– Это Татьяна Александровна Иванова, я попросил ее разобраться в ситуации с Вячеславом...

– Да, – со вздохом кивнул Россошанский. Потом, помолчав, продолжил уже поспешнее:

– Да, разобраться, безусловно, надо... Я уже думал, что мы не сможем это сделать своими силами. Я, например, никакой не сыщик, я врач, да и ты вроде как не следователь...

Эдуард Россошанский был не очень высокого роста, коренастый, несмотря на жару, на нем был светлый летний костюм. Умные, живые карие глаза смотрели на меня и Родиона оценивающе внимательно, но без нахальства.

– Вот для этого я и пригласил Татьяну Александровну, – повторил Перетуриин. – Это лучший частный детектив в нашем городе.

Россошанский недоверчиво отнесся к словам Родиона. Это было видно по его лицу, которое с каждой секундой становилось все более хмурым. Я решила вмешаться.

– Мы просим вас просто ответить на несколько вопросов, только и всего.

– Ну, на вопросы ответить можно, – вздохнул Россошанский. – Хотя в случае с Вячеславом мы бы и сами разобрались. Я не думаю, что здесь что-то уж... – Россошанский затруднился с определением и начал активно помогать себе руками. – Ну, не думаю я, что с ним случилась какая-то плохая история. С другой стороны... – Снова впав в некое замешательство, он опустился в кресло, достал сигареты и обреченно махнул рукой:

– Ну, ладно, задавайте ваши вопросы.

– Для начала скажите, когда вы в последний раз видели Вячеслава? – спросила я.

– Три дня назад, – хмуро ответил Россошанский. – Между прочим, он повез в этот день деньги нашим партнерам.

– Стоп! Какие деньги? – воскликнула я.

– Партнерам, – пожал плечами Россошанский.

Мы с Перетуриным переглянулись.

– Это Вячеслав должен был им деньги? – уточнила я.

– Да нет же! – чуть раздраженно откликнулся Эдуард. – Это наша клиника была должна им за... Впрочем, какая разница, за что!

– Ну вот видите, а вы говорите, что не могла случиться плохая история, – заметила я после непродолжительного молчания.

– Ой, да деньги там... – поморщился Россошанский. – Не те, короче, из-за которых случаются неприятности. Хотя, конечно, его исчезновение очень подозрительно. Мы уже звонили в фирму, куда он должен был поехать. И там сказали, что его не было.

– То есть он не доехал, – закончила за него я.

Напряженное молчание и сдвинутые брови Россошанского свидетельствовали о том, что я догадалась правильно.

– Ну и как вы все это объясняете? – нервно спросил Перетуриин, неожиданно переходя на «вы», видимо, по причине этой самой нервозности.

– А никак не объясняю, – спокойно ответил Эдуард. – Не знаю я. Я и сам хотел заняться расследованием всего этого дела, все-таки уже три дня прошло. Конечно, всякое бывает, но чтобы четвертый день не давать о себе знать... Это вообще-то не в его характере.

– А Вячеслав поехал на эту встречу один? – спросила я.

– Да, один. А кого ему еще брать? – пожал плечами Россошанский. – Вячеслав работает у меня давно, практически с момента основания клиники, а познакомились мы еще раньше, в институте, так что я вполне ему доверял. И никакого риска для него я не видел, нам и в голову не пришла мысль о какой-то охране.

– Расскажите, пожалуйста, поподробнее о том, что предшествовало его отъезду. Когда это было, как он себя вел, кто еще находился рядом и все такое прочее. И что вы сами делали после того, как поняли, что он пропал, – попросила я, и Россошанский продолжил:

– Вячеслав выехал из клиники ровно в час дня на своей машине и поехал на встречу с кредиторами. Но он на нее не приехал. В два часа они позвонили сами и спросили, мол, что за ерунда? Я, естественно, сильно обеспокоился, попросил их подождать, взял вместе со своим заместителем машину и поехал по той дороге, по которой должен был ехать Вячеслав. Доехали до места встречи, ребята там ждали совсем уже обзленные... И никаких следов Вячеслава. Я рассказал им все как есть, пообещал разобраться с этим недоразумением и заплатить сразу же, как будет возможность, написал расписку, на том пока и разошлись. А что с теми деньгами и с Вячеславом, так и непонятно.

– Вы пытались еще как-то его искать?

– Конечно, я обзвонил все места, где он мог быть, лично ездил к нему домой, с его сестрой говорил, с невестой... Никто ничего не знает. Уехал – и как в воду канул! Найти деньги, конечно, для меня важно, – прижал руку к груди Россошанский. – Но прежде всего меня интересует, что случилось с Вячеславом. Честно говоря, я был бы даже рад, если бы выяснилось, что он просто загулял и пропил, грубо говоря, эти деньги и еще не отошел от похмелья...

– А что, разве такое бывало? – недоверчиво посмотрел на него Перетуриин.

– Откровенно говоря, не бывало, – признал Россошанский. – Но всякое случается... Сегодня так, а завтра – по-другому может быть. Вон у нас Мишка Фомичев работает, для него это в порядке вещей. Если бы он загулял, я бы и не переживал даже, знал бы, чем это кончится.

– Но тут же получается, что Вячеслав уехал с деньгами по вашему поручению, и если загулял, то именно на эти деньги, – сказала я.

– Да он и на свои мог загулять, – махнул рукой Россошанский.

– Вы же только что говорили, что вообще не мог, не в его характере, – удивилась я.

– Я в том смысле, что он не бедствовал, – пояснил Эдуард. – Если бы уж так захотел уйти в загул, то легко бы мог это сделать.

– Да ну, какой загул! – оборвал его Перетуриин. – У человека свадьба на носу, а тут загул! Кто знал, что он повезет деньги?

– Да вы зря прицепились к этим деньгам! – снова махнул рукой Россошанский. – Возврат этих денег – это было как бы между делом, просто, можно сказать, дружеский жест. Никто не воспринимал это как специальную акцию, требующую особых там навыков, опыта, сохранения секретности... Нет, естественно, мы не трепались по всей клинике, но и не видели смысла окутывать все лишней таинственностью. А у вас, мне кажется, уже сложилась своя версия? – вдруг усмехнувшись, обратился Эдуард ко мне.

Я удивленно приподняла брови.

– Ну, вам же уже все понятно, – с той же усмешкой продолжал Россошанский. – Вы будете утверждать, что он сам сбежал с деньгами. По каким-то там причинам – придумаете по каким.

– Ну, этот ответ напрашивается сам собой, – согласилась я. – Вячеслав один вез деньги и не довез... Раньше такого не случалось. Невесте он не позвонил и вообще никого не предупредил, что исчезнет. Загулы, как вы сами подтверждаете, ему не свойственны. – Я на пару мгновений замолчала, выразительно глядя на Россошанского. Затем, видя, что лицо его приобрело выражение «ну я же говорил!», продолжила: – Но вы же сами считаете, что это нереально, и ясно даете это понять нам. Вот я и хотела вас спросить – почему вы так уверены? Только потому, что знаете его много лет? Так можно быть знакомым с человеком и больше и не подозревать, на что он способен! Мы сами себя до конца не знаем, что уж там про других говорить!

– Дело не только в этом, – спокойно парировал Россошанский. – Иногда я доверял Вячеславу гораздо большие суммы. Однако он не пользовался возможностью кинуть меня.

– Это еще ничего не доказывает! Может быть, именно сейчас у него напряженка с деньгами? – Я пристально смотрела в лицо Эдуарду.

Подумав, Россошанский потер лоб и сказал:

– Именно сейчас деньги ему нужны. Но именно сейчас он и не стал бы исчезать.

– Почему?

– Потому что у него, как вы знаете, через неделю свадьба. Он уже и квартиру приобрел, и ремонт в ней сделал, и для свадьбы все купил. И, поверьте, денег вбухал куда больше, чем вез, чтобы вот так все это бросить, присвоить деньги и исчезнуть, – подытожил Россошанский.

– Эдуард прав, – решительно вступил Перетурун. – Кроме того, я знаю Вячеслава еще лучше и со всей ответственностью могу заверить, что он человек глубоко порядочный! Даже если бы у него были крайне тяжелые обстоятельства, он постарался бы все сделать по-другому, не так по-свински. Так что данную версию можете выбросить из головы, Татьяна, а то мы только время зря потратим.

– Хорошо, что вы говорите «мы», – со вздохом отметила я. – Мне может понадобится ваша помощь.

– Х-м-мм, – нахмурился Родион, задумываясь.

В аргументах Россошанского, несомненно, присутствовала логика, но совсем отбрасывать первоначальную версию я не стала. За все время практики я уже не раз убеждалась, что человек порой способен на абсолютно алогичные и даже просто абсурдные поступки. Но вслух о своих размышлениях не сказала, спросив:

– А где живет Вячеслав?

– Он приобрел новую квартиру и жил там вместе с Вероникой, своей невестой. Улица Волжская, сорок пять, квартира восемь.

– А Веронику там можно застать?

– Да, она там так и живет. Только... – Россошанский замялся. – Я бы вас попросил ее не беспокоить.

– Почему? – удивилась я.

– Ну, она все равно ничем не сможет помочь. Она ничего не знает. Она даже не знает о том, что Вячеслав пропал.

– Как? – удивился Перетурун.

– Они договорились, что до свадьбы он поживет у сестры, Ксении. Ну, вроде обычай такой, что ли – какое-то время перед свадьбой не видятся. И когда я звонил туда, то не стал Веронике говорить, что произошло, просто спросил, не заезжал ли он к ней.

– И она сказала, что нет? – уточнил Родион.

– Совершенно верно.

– Могу вас уверить, что Вероника знает о том, что случилось, – мрачно поведал Родион. – Потому что мы с ней созванивались, и она сказала, что волнуется из-за того, что Вячеслава нет. Я так понял, что они, хоть и договорились жить пока раздельно, тем не менее встречались и перезванивались.

– Вот как, – удивленно покачал головой Россошанский. – Я не знал об этом.

– А вы сами с Вероникой хорошо знакомы? – спросила я.

Росошанский на мгновение застыл, потом ответил:

– Да, достаточно хорошо. А что?

– Она не может его покрывать? Я имею в виду Вячеслава. В случае, если он действительно решил исчезнуть сам.

– Вы опять о своем? – невесело улыбнулся Перетурун. – Нет, я же вам уже сказал.

– Подождите, – махнула ему рукой я. – Я хочу послушать Эдуарда.

– Нет, нет, – откликнулся Россошанский. – Даже если бы Вячеслав и задумал что-то такое, он бы точно не стал посвящать в свои планы Веронику. Просто это закончилось бы грандиозным скандалом. Еще раз вас прошу – не трогайте ее.

«Проверим, – отметила про себя я. – Может быть, придется проследить за этой Вероникой. Если она связана со своим женихом, то обязательно выведет на него. А уж тогда взять его – пара пустяков. Если, конечно, Вячеслав исчез сам».

Именно такой план действий созрел в моей голове. Да, и нужно подробнее поговорить с Родионом относительно того, что же представлял собой его друг. Дружба дружбой, но мало ли что в жизни случается! Версию самоисчезновения ни в коем случае отбрасывать нельзя.

– Я не хочу впутывать в это дело милицию, – продолжил Россошанский. – Если уж вы решили заняться этим делом, то занимайтесь. Только чтобы без милиции...

Он, как и в начале разговора, недоверчиво посмотрел на меня, а потом примерно такого же характера взглядом наградил Перетурина.

– Я понимаю, – кивнул Родион.

– У вас еще есть вопросы? – спросил Россошанский, явно намекая на то, что разговор неплохо бы уже и сворачивать.

– Да, – кивнула я. – Сестра сказала Родиону, что Вячеслав якобы должен был кому-то деньги. Вы не в курсе этого?

Росошанский нервно дернул плечом, потом отрицательно замотал головой.

– Нет, насчет того, чтобы сам Вячеслав – нет. Может быть, сестра как-то не так поняла? Может быть, Вячеслав имел в виду как раз эти самые, наши дела с партнерами? Хотя обычно он не распространялся никому о делах на работе.

– Может быть, – согласилась я.

А в голове у меня настойчиво билась мысль: «Если все так и Вячеслав должен был кому-то, то это очень удобный момент, чтобы решить свои денежные проблемы: его посылают с поручением отдать наличные, а он отдает их не тому, кому они предназначались... Правда, не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы предположить, что эти деньги тоже придется отдавать. К тому же он крадет их не где-нибудь, а в собственной фирме!»

– Кто еще знал о том, что Вячеслав должен везти деньги и в котором часу это будет? – нарушила молчание я.

– Мой заместитель, Павел Лукашенко. Я, естественно. Пожалуй, и все.

– И сами кредиторы, – добавил Родион.

– Да, конечно. Если хотите, поговорите с ними, только... – Россошанский состроил скептическую мину, – вряд ли вы что-то проясните.

– И тем не менее, – заметил Родион.

– Записывайте, – вздохнул Эдуард и продиктовал адрес фирмы.

– И вот еще что. У вас нет при себе фотографии Вячеслава? – спросила я.

Росошанский наморщил лоб, потом перевел взгляд на Перетурина. Тот развел руками и вздохнул.

«Эх вы... А еще адвокат называется! – пожурила я про себя Перетурина. – Можно было предусмотреть такой важный и очевидный момент!»

– Но, я думаю, это не страшно, – заявил Родион Евгеньевич. – Фотографию можно взять у меня дома в любое время или у Ксении...

– Постойте, – вдруг поднял палец Россошанский. – У нас есть запись с последней корпоративки. Сейчас я попробую выяснить.

Он снял телефонную трубку и произнес в нее:

– Люда, зайди ко мне, пожалуйста. Сейчас придет наша сотрудница, Людмила Омельченко, – обратился он уже ко мне и Родиону. – У нее должна быть пленка. Она снимала кое-какие эпизоды на камеру. Фотографии вы все равно получите, а вот посмотреть на человека, что называется вживую, все же лучше...

– Согласна, – кивнула я. – Но фотографии вы, Родион Евгеньевич, мне все же привезите. Мне они нужны не столько для того, чтобы самой смотреть на Колесникова, а чтобы я могла показать их другим людям, которые, возможно, его видели. С пленкой, как вы понимаете, в этом смысле сложнее...

– Хорошо, я непременно захвачу, – заверил меня Перетурин.

– А эта Людмила Омельченко, она тоже врач? – спросила я у директора клиники.
– Нет, она... Скажем так, типа секретаря. Решает некоторые технические вопросы.
– И она Вячеслава знает хорошо?

– Ну... достаточно хорошо, – пожал плечами Россошанский.

Тут в кабинет заглянула девушка и с улыбкой спросила:

– Можно?

– Да, Люда, проходи, – жестом позвал ее Эдуард. – Тут вот к нам люди пришли, насчет этой истории с Вячеславом... То есть, возможно, никакой истории и нет, но им нужна пленка с нашей последней корпоративки. Ты как-то показывала.

– Да, – кивнула Людмила и добавила, посмотрев на меня и Перетурина: – Только она у меня дома. Если хотите, я могу принести ее завтра...

«Можно и завтра, – подумала я. – Хотя лучше не откладывать в долгий ящик. И не столько просмотр пленки, сколько беседу с Людмилой. Учítывая, что Ксении, одного из важных персонажей, окружавших Колесникова, нет на месте, нужно пока использовать показания других людей, более-менее близких к нему. И с Людмилой не мешало бы побеседовать. Она не из руководства клиники, как Россошанский, не друг, как Перетурин, не родственница... У нее может быть свой взгляд на характер Вячеслава и на ситуацию в целом».

– А вы можете уделить нам время для беседы? – обратилась я к Омельченко.

– Вообще-то у меня рабочий день уже скоро заканчивается... – неуверенно произнесла Людмила и посмотрела на Россошанского.

– Мы можем побеседовать по дороге, если вы не возражаете, – предложила я. – Заодно доведем вас домой, и вы сможете передать пленку. Или вы тоже на машине?

– Нет, у меня нет машины, – вздохнула Омельченко. – Но по дороге мы полноценно не поговорим, я живу недалеко, на машине мы доедем за пять минут. Но можно побеседовать у меня дома.

– Люда, можешь идти собираться, – вмешался Россошанский. – Я тебя отпускаю. Побеседуй с Татьяной Александровной. У вас ко мне больше нет вопросов? – обратил он свой взгляд на меня.

– Скажите, есть ли у вас серьезные враги? Те, которые хотели бы вас устранить? – спросила я.

– Ну, конкуренты, безусловно, есть, – нахмурился Эдуард. – Но если вы имеете в виду каких-то головорезов, которые перешагнут через кого угодно, то боюсь, что я для таких людей слишком мелкая фигура. К тому же нарочно нападать на Вячеслава? – Он скептически скривился. – В ваших словах, безусловно, есть определенный смысл. Но я не могу даже предположить, кто способен на такое... Среди моих конкурентов есть очень влиятельные люди, с большими возможностями, но они же не бандиты! Не отморозки какие-то, чтобы затевать подобное! Они все деловые люди, приходят с конкретными предложениями, порой даже выгодными. А это... Черт знает что!

– Значит, никого не можете назвать?

– Нет, – твердо повторил Россошанский.

– А если посмотреть шире? Взять в расчет не только ваших конкурентов, а все окружение вообще? Есть же еще какие-то знакомые, не принадлежащие к вашему кругу. Припомните, не конфликтовали ли вы с кем в последнее время?

– Нет, не конфликтовал, – пожал плечами Россошанский. – Да и вообще, за все время существования нашей клиники дела шли ровно. Почему же вдруг именно сейчас я мог кого-то не устроить? Никаких серьезных перемен не произошло, зачем кому-то устранять меня именно сейчас? Хотели бы сожрать – сожрали бы давно. Вы поймите, места на нашем рынке уже давно определены серьезными людьми. И все работают по накатанной колее. Кто будет ломать эту систему, да еще таким способом?

– Что ж, пожалуй, на сегодня вопросов у меня больше нет, – проговорила я, поднимаясь. – Если что-то случится или станет известно, непременно сообщите нам. Мы в свою очередь будем держать вас в курсе дела, только оставьте нам координаты.

– Вот, – Россошанский протянул мне красивую визитку, на которой значились адрес и телефон клиники «ДЕНТА-ОПТИМЫ». Кроме того, он протянул листок, вырванный из блокнота. – Это мой сотовый и домашний, – сказал он. – Если что-то узнаете, звоните в любое время.

– Обязательно, – заверил Перетури.

– Ну так что, мы можем идти? – обратилась я к Людмиле.

– Да-да, – ответила та. – Пойдемте.

И, повернувшись, первой вышла из кабинета своего шефа.

Людмила Омельченко была полноватой блондинкой с голубыми глазами. Одета в деловой костюм салатного цвета, волосы забраны в гладкую «ракушку», а на ногах девушки я увидела колготки. Бросались в глаза ее крупные белые зубы, выглядевшие идеально. Я даже подумала, что ее улыбка могла бы стать визитной карточкой клиники «ДЕНТА-ОПТИМА».

– Вы можете идти на улицу, я сейчас к вам выйду, только кабинет свой запру, – сказала Людмила и пошла заканчивать свои дела.

– Надо же, – покачал головой Перетури, когда мы вышли на улицу. – В такую жару – в костюме, в колготках!

– Ничего удивительного, – пожала плечами я. – Соблюдение делового стиля. Во многих фирмах к секретарю предъявляют такие требования.

– Все равно! – не унимался Родион. – В такую погоду можно и наплевать на стиль, и делать скидку своим сотрудникам. Гораздо уместнее было бы надеть легкое платье или сарафан, если уж ты считаешь, что носить шорты тебе фигура не позволяет. Вот у меня в офисе все намного демократичнее!

– Ладно, это сейчас не имеет отношения к делу, – остановила его я. – Давайте лучше пока подумаем над тем, что мы узнали. Каждый про себя.

– Давайте, – согласился Перетури и откинул голову на подголовник, прикрыв глаза.

Вскоре к машине подошла Людмила и с той же доброжелательной улыбкой сказала:

– Вот и я, можно ехать.

– Куда? – коротко спросил сидевший за рулем Родион.

– Езжайте в сторону Волги, – махнула рукой Людмила, устраиваясь на заднем сиденье рядом со мной, – я специально села туда же, чтобы было удобнее вести разговор. – А дальше я покажу.

Машина тронулась с места, Людмила повернулась ко мне и вдруг сказала:

– Насчет Славика вы зря. Не стал бы он так поступать.

– Это вы о чем? – приподняла я брови.

– Ну, вы же считаете, что он сам исчез, – пояснила Людмила. – Вот я и хочу сказать, что это ерунда. Я его не первый год знаю. К тому же у него свадьба скоро. Да и деньги небольшие.

Все это я уже слышала, но считала, отбрасывать версию его бегства с деньгами нельзя. Я продолжила разговор с Людмилой:

– А вы были в курсе того, что Вячеслав повезет деньги?

– Разумеется нет, – немного удивленно ответила она. – Меня такие вещи совершенно не касаются, и мне их не сообщают специально. Это уже потом Эдик рассказал, куда и зачем поехал Вячеслав. Конечно, ребята могли при мне просто по-дружески это обсуждать – тут скрывать особо нечего было, – но специально они меня не посвящали.

Я кивнула, принимая ее слова, и задала следующий вопрос:

– А помимо работы вы общались с Вячеславом?

– В последнее время редко, – покачала головой Омельченко. – Раньше иногда мы собирались вместе: я, Славик, Эдик, Пашка Лукашенков... Праздники отмечали или просто пиво пили. А потом у Вячеслава закрутилось с Вероникой, и он почти все время проводил с ней. Вместе в одной компании мы стали собираться только на работе, по праздникам.

– Понятно, – кивнула я. – А как вы вообще попали в эту компанию?

– Да мы сто лет знакомы! – Людмила обнажила в улыбке свои ровные белые зубы. – Когда-то жили в соседних дворах, потом Эдик и Слава переехали... А дружба наша осталась.

– Скажите, а вы живете одна?

– Сейчас пока да, а вообще с братом, – ответила Людмила.

– С братом? – удивился Перетури.

– Да, – подтвердила Людмила. – У меня есть младший брат, Артем. Ему двадцать четыре года. Раньше мы жили вместе с родителями, а потом умерла наша бабушка и оставила свою квартиру. И мы решили ее не разменивать на двоих. Зачем? Квартира хорошая, и район чудесный – на Набережной. А с братом мы всегда прекрасно ладили. Он журналист. Правда, временно не работает. Сами знаете, как сейчас трудно найти работу. Тем более неиспорченному парню. Нет, он пишет, конечно, статьи, пристраивает их в разные газеты... Но заработок невелик. Но я думаю, что не это главное, правда? Ведь мальчик ищет себя. Тем более он очень талантливый. И послушный! Просто золотой мальчик! Нам теперь налево, – обратилась она лично к Родиону.

Мы уже подъехали к подъезду бежевой сталинки помпезного монументального стиля середины двадцатого столетия. Вышли из машины, Родион поставил ее на сигнализацию, как вдруг мимо, яростно обдав нас грязью, пронеслась черная «Ауди» и, круто развернувшись у подъезда, резко затормозила.

Задняя дверца оглушительно распахнулась, и оттуда, нелепо размахивая руками и тщетно пытаясь удержать равновесие, вывалился высокий молодой человек, почему-то вопреки погоде облаченный в длинное черное пальто, сплошь заляпанное грязью. Он шмякнулся прямо в лужу и, перебирая руками, постарался подняться.

Добравшись до скамейки, молодой человек плюхнулся на нее и дрожащей рукой достал из кармана пачку сигарет.

– И чтоб духу твоего в нашем доме больше не было, понял? – прозвучал грозный мужской голос из машины.

– Жуковым позор! – изрек молодой человек, но как-то неуверенно.

Мужчина за рулем, однако, не услышал этих слов – он захлопнул дверцу и завел мотор. И тут из машины послышался нетвердый голос, который принадлежал явно не водителю:

– Темик, я тебя завтра жду!

Вслед за этим с заднего сиденья приподнялась лохматая голова еще одного молодого человека. Мужчина за рулем с негодованием повернулся к нему и, пригибая непокорную голову вниз, прорычал:

– А ты у меня теперь месяц из дому не выйдешь, мерзавец этакий! И попробуй хоть один экзамен не сдать, я за тебя больше платить не намерен!

После чего «Ауди», скрипнув колесами, резко стартанула с места.

– А Жуковым все равно позор! – упрямо повторил парень, на этот раз гораздо увереннее.

Тут его удивленный взгляд упал на нас, и он, обрадовавшись тому, что его глубокомысленная реплика нашла своих слушателей, продолжил развивать тему:

– Вот люди! – констатировал он, покачивая головой. – Представляешь, Людмилка?

«Людмилка», до этого хранившая молчание, изумленно проговорила:

– Темик... Что с тобой?

И порывисто кинулась к скамейке. Мы с Перетуриным на всякий случай отошли подальше.

«Темик, похоже, не в лучшем виде, – усмехнулась про себя я. – А Людмила, видимо, всех предпочитает называть именами с уменьшительно-ласкательными суффиксами – Славик, Эдик, Темик...»

– Представляешь, – поднимая мутные глаза, с негодованием произнес парень, – Жуков оказался редкостной балбесиной...

– Та-а-ак... – протянула Людмила, и это ее «та-а-ак» не предвещало молодому человеку ничего положительного. – Значит, опять Жуков! Я же знала, что это совместное сожительство ни к чему хорошему не приведет! На неделю нельзя оставить без присмотра! Ты почему сегодня ко мне на работу не пришел зубы лечить, а? Я же говорила – в три часа! Тебя ждали!

– Я... не смог, – развел руками парень.

– Я же специально с человеком договаривалась! – продолжала распекать молодого человека Людмила. – Как теперь людям в глаза смотреть? Не смог! Как будто ты чем-то занят! И почему ты в пальто? Ты что, совсем с ума сошел?

– Я тебе сейчас все объясню! – успокаивающе поднял руки парень. – Я просто не успел переодеться.

– О-о-ой! – протянула Людмила, прижимая ладони к щекам. – Точно, с ума сошел! Для чего ты пальто-то напялил?

– Людмилк, ну что ты такие глупые вопросы задаешь! – отмахнулся парень. – Мы просто наряжались...

Я уже смекнула, что перед нами находится не кто иной, как Артем Омельченко, младший брат Людмилы, тот самый «неиспорченный и золотой мальчик». Увидев, что собой представляет этот мальчик, я невольно хмыкнула про себя.

Людмила тем временем поднимала своего незадачливого братца со скамейки, одновременно вытирая ему лицо белоснежным носовым платком, который на глазах превращался в грязно-серый.

– Пойдем скорее домой! – тащила она его к подъезду.

У двери Людмила обернулась и обратилась к нам:

– Татьяна Александровна, Родион Евгеньевич, что же вы стоите? Пойдемте с нами!

Мы уже было подумали, что она совершенно забыла как о нас, так и о том, зачем мы приехали.

Переглянувшись, мы с Перетуриным двинулись к подъезду, оба наверняка думая о том, что перспективы в квартире Людмилы нас могут ждать совсем не из приятных.

«Вот же принесло этого шалопаю! – негодовала я, одаряя неласковым взглядом повисшего на плече сестры «мальчика». Тот, похоже, уже начинал дремать. – Весь разговор может испортить!»

Однако я ничем не выдавала своих эмоций, надеясь при этом в душе, что Людмиле удастся убедить брата пойти спать и не мешать беседе.

Наконец лифт прибыл на шестой этаж, и Родион помог Людмиле довести пьяненького Темика до квартиры.

– Немедленно отправляйся в ванную! – тоном строгой мамыши сказала Людмила. – Да подожди ты, полотенце хоть сперва возьми!

Последнюю фразу она произнесла в спину Артему, который, шатаясь, отправился в ванную прямо в пальто.

– Ничего, завтра утром будет как огурчик, – философски изрек Перетурин со снисходительной улыбкой.

– Так-то он мальчик хороший, добрый, – словно извиняясь, заступилась за брата Людмила.

Перетурин отреагировал на это неопределенным движением бровей и начал разуваться.

– Ой, – спохватилась Людмила, – сейчас кофе попьем, с пирожными.

И бегом бросилась на кухню. Оттуда сразу же послышался шум льющейся воды и грохот каких-то кастрюль. Вместе с кастрюлями, очевидно, упало и что-то бьющееся, потому что мы явственно различили звук разбитого стекла.

Перетури́н взглянул на меня. Я весьма равнодушно относилась как к предстоящему кофе, так и к пирожным. В квартире Людмилы не было кондиционера, и за день в ней стало слишком жарко.

Людмила тем временем вылетела из кухни и прошла в свою комнату, откуда вернулась уже в голубых свободных шортах и желтой майке.

– Ну вот, а то парится бог знает в чем! – шепнул мне Перетури́н, который окинул Людмилу оценивающим взглядом и остался, кажется, доволен увиденным.

Я отпивала крепкий кофе мелкими глотками и думала, что наш визит сюда несколько затянулся. Правда, Артема было уже не слышно, и я надеялась, что дальше мы сможем пообщаться более конструктивно.

– Какая нелепость, господи! – послышался голос от двери в ванную. Мои надежды рассыпались в прах.

Мы все трое обернулись и увидели Артема, который стоял в трусах и накинутом сверху на голое тело пальто.

– О чем это ты? – сдвинула брови сестра.

– О Жукове, конечно, – тяжело плюхаясь на стул рядом с Перетуриным, ответил Артем.

– Кстати, меня зовут Родион, – представился Перетури́н.

– Артем, – фамильярно отозвался Омельченко-младший, протягивая для приветствия мокрую руку. – А вас? – Он сделал попытку повернуться ко мне, но едва не упал, и Родион торопливо поддержал его за руку.

– Татьяна Александровна, – усмехнувшись, ответила я.

– Классно, – непонятно чему обрадовался Артем, присаживаясь за стол и окидывая стоящее на нем голодным взглядом.

– Так что там с Жуковым-то? – спросила Людмила, наливая брату кофе и подсовывая целых два пирожных. – Я так поняла, что это отец его тебя привез?

– Ну да, этот редкостный зануда! – подтвердил Артем. – Представляешь, мы так хорошо жили, вчера справили новоселье...

– Погоди, вы ведь уже справляли новоселье! – недоуменно проговорила Людмила и повернулась ко мне с Перетуриным, принимаясь поспешно объяснять ситуацию. – Понимаете, Артем и его друг Виталик Жуков решили вместе снимать квартиру. Я возражала, потому что не понимала, зачем это двум молодым людям жить вместе? – Она развела руками.

Родион как-то насторожился и подозрительно хмыкнул. Я ничем не выдала своего отношения к происходящему. В душе я досадовала, что приходится отвлекаться на эти внутрисемейные детали.

– Нет-нет, – поймав взгляд Перетурина, сразу же поспешила на защиту брата Людмила. – Так-то он нормальный, просто они с этим Жуковым дружат. Да я бы ничего не сказала, если бы он с девушкой решил жить, даже всячески способствовала бы этому! Ну, или с каким порядочным парнем, но Жуков... Ведь он же...

– Чудовищный раздолбай! – мотнул головой Артем.

– Ну, в общем, да, – подумав, согласилась Людмила. – Они вместе постоянно в какие-нибудь истории попадают. А родители у него очень даже приличные люди!

– Зануды! – возразил Артем, надкусывая третье пирожное.

Людмила поморщилась.

– Все они не зануды! – раздраженно сказала она и решительно отодвинула тарелку с пирожными. – Давай рассказывай, что случилось! – потребовала она, подпирая подбородок руками.

Далее последовал не совсем внятный рассказ Омельченко-младшего о том, как они с Жуковым классно жили вдвоем на снятой квартире и как затем нежданно-негаданно явились родители Жукова и «обломали весь кайф».

– Представляешь, Людмил, какая ерунда? – грустно спросил Артем, заглядывая в глаза сестре и ища сочувствия.

– Сами виноваты! – грозно ответила она. – Мало еще вам! Небось пили там каждый день и дурака валяли! А то я тебя не знаю! Одним словом, все! С сегодняшнего дня живем вместе, как раньше! И никаких Жуковых, и никаких выпивок! И вообще, на работу пора устраиваться. А сейчас ложись спать, – завершила она свой гневный монолог, увидев, что «мальчик», разомлевший от пирожных и выпитого кофе, стал клевать носом. – Людей бы постеснялся! – выговорила Людмила, нахмурившись.

– Угу... – равнодушно отозвался Артем и поплелся в комнату.

– Вы уж извините, – подняла на нас с Перетуриным глаза Людмила.

– Люда, мы хотели поговорить о Вячеславе и забрать пленку, – напомнила я.

– Ой, да! – спохватилась Омельченко, хлопнув себя по лбу. – Совсем забыла! Это все Артем, он меня с ума сведет!

И она, вскочив, помчалась в соседнюю комнату, откуда вскоре вернулась, неся в руках кассету с записью. Людмила сунула ее в проигрыватель и щелкнула пультом.

– Вот Вячеслав, – показала она пухлым пальчиком.

Я увидела улыбающегося темноволосого парня лет тридцати, с мужественным лицом и внимательными умными глазами. Он был довольно симпатичным и, кажется, веселым парнем, потому что все время шутил и довольно артистично крутился перед камерой.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Можете выключать, я досмотрю дома. Скажите, а какой Вячеслав в жизни? – спросила я. – Вы его как воспринимаете?

Людмила на мгновение задумалась.

– Ну... – протянула она. – Хороший парень.

Это мне еще ни о чем не говорило. В восприятии добродушной и немного наивной Людмилы и ее брат Артем был прямо-таки образцом современного молодого человека, поэтому я попросила девушку рассказать побольше.

– Ну, он веселый, добрый, порядочный, – принялась перечислять Людмила. – Если просишь помочь, никогда не отказывает. Шутит хорошо, беззлобно. С пациентами ведет себя тоже очень по-доброму, старается шуткой успокоить. Очень ответственно к работе относится, никогда не халтурит... Ну, знаете, как бывает, – принялась пояснять она, – иной делает тят-ляп, на скорую руку, а человек через три месяца снова приходит. Некоторые так поступают нарочно, чтобы лишние деньги вытянуть. Клиника-то платная, и услуги довольно дорогие. Но, к слову сказать, у нас таких врачей нет, – твердо заверила Омельченко. – И Эдик, и Вячеслав всегда твердят, что залог успеха – качество и железная репутация заведения. Ой, да к нам многие из других хваленых клиник приходят перелечиваться! Вячеслав сам рассказывал, придет человек, на боль жалуется... Посмотришь – все заделано, металлокерамика даже стоит, а раскроешь – мамоньки мои! – Людмила с неподдельным ужасом всплеснула руками, словно сама занималась лечением и протезированием зубов. – Под материалом-то все больное, незаделанное! Прямо на невылеченный зуб протезы ставят, представляете? Спросят – где делали? Отвечают – в соседней клинике, за бешеные деньги! Вячеслав даже рассказывал, что несколько раз отказывался переделывать, отправлял обратно. Говорит – вот где вам такое сделали, туда и идите, требуйте перелечить, а я не возьмусь. Не понимаю я таких халтурщиков, – вздохнула она. – Врачи все-таки, нужно же совесть иметь.

– Да, моя мама тоже часто на непорядочность врачей жалуется, – усмехнулся Родион.

– Не все такие! – тут же возразила Людмила. – Я же говорю, у нас в клинике такого нет. Вот к нам народ и идет. К тому же и цены у нас божеские.

– Люда, а у вас есть какие-то предположения относительно того, что могло случиться с Вячеславом? – спросила я.

Омельченко озабоченно покачала головой.

– Не хотелось бы заранее плохо думать, – призналась она. – Но мне кажется, что что-то неладное с ним случилось. Никогда Вячеслав работу не прогуливал. А уж чтобы деньги чужие потратить...

– Эдуард говорил, что там не такие уж большие деньги, – сказала я.

– Да какая разница! Если бы Вячеславу так уж нужны они были – ну что ж, потратил бы, всякое в жизни случиться может! Но он бы тут же сообщил Эдуарду! Даже если ему по каким-то соображениям пришлось уехать, он бы позвонил! Веронике-то уж во всяком случае! Мы не в каменном веке живем, чтобы дать о себе знать было затруднительно, верно? – Людмила окинула нас с Родионом выразительным взглядом своих голубых глаз.

– А если ему пришлось скрыться? – задумчиво проговорила я. – Вы не допускаете такой мысли?

– Не знаю, – честно призналась Омельченко. – Да от кого ему скрываться-то?

Я посмотрела на Перетурина, который при этих словах нахмурился.

– Не знаю, – наконец буркнул и он, видя, что я своим вопросительным взглядом апеллирую к нему. – Вообще-то не от кого ему было прятаться, насколько я знаю. Но даже если и так, значит, его тем более нужно искать! Это еще раз доказывает, что он попал в беду! Я уже в этом не сомневаюсь.

– Людмила, а вы можете хорошенько вспомнить тот день, когда Вячеслав пропал?

– Конечно, – не задумываясь, сказала Омельченко. – Я его прекрасно помню.

– Может быть, вы заметили что-то необычное, подозрительное?

– Да не было ничего подозрительного, все как обычно!

– А в настроении Вячеслава вас ничего не насторожило? Ну, может быть, он нервничал или был расстроен? Может быть, у него какие-то личные неприятности были?

– Нет, – сожалея о том, что ничем не может нам помочь, прижала руки к груди Омельченко. – Уж извините, я не настолько близкий человек ему. Да вы бы лучше с Вероникой поговорили! – воскликнула она. – Может, она прояснит что-то.

– Кстати, а вы знакомы с этой девушкой?

– Да, конечно, – кивнула Людмила. – Она несколько раз приходила в клинику. Очень милая девушка, добрая, порядочная...

Людмила Омельченко, похоже, всех людей на свете считала добрыми и порядочными.

– А какие у нее отношения с Вячеславом?

– Какие могут быть отношения у людей, которые собираются пожениться? – недоуменно пожала плечами Омельченко.

– Вы часто беседовали с Вячеславом – ну, так, чисто по-дружески болтали?

– Довольно часто, – кивнула Людмила.

– Он что-нибудь говорил о предстоящей свадьбе? Ну, может быть, обмолвился, что, возможно, перенесет ее? Или жаловался на слишком большие расходы, связанные с ней?

Людмила решительно тряхнула светловолосой головой:

– Нет, ничего такого не было. Вячеслав пребывал в приподнятом настроении, часто шутил... Нас всех, кстати, он уже пригласил на свадьбу. И с какой стати ему ее переносить? Она должна состояться в июне, такой месяц чудесный! И у них уже все готово! А вообще... Если вам интересны какие-то подробности, то лучше поговорить с самой Вероникой. Кто лучше нее может быть в теме?

– Да, я непременно поговорю с ней, – ответила я и поднялась. – Пойдемте, Родион. Люда, значит, с вашего позволения, я возьму кассету с собой?

– Ой, да конечно! Пожалуйста!

– После того, как все закончится, я вам ее верну, – пообещала я, прощаясь с хозяйкой под доносившийся из дальней комнаты громкий храп Артема.

* * *

Выйдя из дома Людмилы Омельченко, мы с адвокатом сели в машину, где Перетуриин спросил:

– Ну что, Татьяна Александровна? Есть у вас какие-то предположения?

– Относительно того, что на самом деле случилось с Вячеславом Колесниковым, нет, – покачала головой я. – Тут возможно несколько вариантов. Но их я озвучивать пока не стану. А вот относительно дальнейших действий могу поделиться с вами своими планами. Хочу как можно скорее поговорить с Вероникой. Как, кстати, ее фамилия?

– По-моему, Вересаева, – сказал Перетуриин.

– Хорошо, я уточню, – кивнула я. – И заодно... – Я внимательно посмотрела на Перетуриина. – Проследить за ней после разговора. Сдается мне, если Вячеслав кинул босса ради решения своих денежных проблем, то невеста должна быть в курсе.

Родион моментально принялся возражать:

– Да не кинул он его, я же вам уже много раз объяснял! Не такой он человек, не такие отношения у них с Эдуардом, да и вообще ситуация этого не предполагает! Мотивов у него нет так поступать, поймите!

– Вашу логику я понимаю и принимаю, – уверила его я. – Но в жизни люди порой склонны совершать и не поддающиеся ей поступки. Потому я и считаю необходимым проследить за Вероникой хотя бы для того, чтобы отместить версию о том, что она покрывает нечистоплотного жениха, и больше не тратить на нее время.

Родион ничего не ответил, и было непонятно, согласен он с моим мнением или нет. Он только недовольно покачал головой, а затем решительно заявил:

– Я еду с вами!

– Ради бога, – ответила я. – Тем более что я и сама хотела вам это предложить: Вероника знакома с вами, следовательно, пустит нас в квартиру беспрепятственно и не откажется от разговора. А там уже о многом можно будет судить по ее поведению. А вот визит частного детектива может ее насторожить и даже напугать. Если она в курсе дел своего жениха, то станет молчать, а если нет – толку от ее слов все равно не будет, еще, не дай бог, в истерику впадет. Правда, у меня пока что нет четкого плана, как все лучше проделать, но я думаю, что ориентируюсь на месте. Единственная просьба у меня к вам – не задавать самому неуместных вопросов, которые могут заставить Веронику насторожиться и замкнуться. Ни слова о том, что мы подозреваем ее в причастности к исчезновению Вячеслава. Договорились?

– Договорились, – не очень охотно буркнул Перетуриин. – Но знаете, я все же...

Я предостерегающе подняла руки.

– Я прекрасно знаю, о чем вы мне хотите сказать, – ответила я. – Наберитесь терпения, я делаю все, что в ваших же интересах.

Перетуриин взглянул на часы.

– Правда, вынужден вас разочаровать: сегодня поговорить не получится. Вероника типичный жаворонок, она рано ложится спать.

– Да уж, засиделись мы у Омельченко... – покачала я головой, взглянув на экран мобильного, где высвечивалось время. – Ну что ж, тогда давайте завтра. Может, это и к лучшему, я успею все обдумать и выбрать тактику. Вам когда удобно?

– А мне все равно, я в отпуске, – улыбнулся Перетуриин.

– Хорошо, тогда созвонимся, – кивнула я.

Перетурин довез меня до дома, где я с радостью врубила сплит-систему и отправилась под душ.

ГЛАВА 3

Утро не принесло никаких погодных перемен. Едва взглянув в окно, я зажмурилась от яркого солнца, бьющего мне в лицо. И сразу же подумала о том, что теперь наслаждаться уютной прохладой мне не придется: сейчас предстоит ехать к Веронике Вересаевой. Как раз с утра пораньше, раз уж она такой неисправимый жаворонок!

Однако перед выходом из дома я все же достала свои двенадцатигранные кости и рассыпала их на подушке.

1+36+17 – В здании человеческого счастья любовь образует купол, а дружба возводит стены.

Да уж... Конечно, очень интересное философское наблюдение, но как оно может мне помочь в работе? А кости зря ничего не говорят. То ли от жары у меня мозги плавятся, то ли кости стали изощреннее, то ли старею...

Последнюю версию я сразу же отмела за ее несостоятельностью, решительно убрала кости обратно в мешок и зашагала к двери. Все философские загадки я оставлю на потом, а пока что буду следовать намеченному плану.

Перетури́н, который обещал показать мне дом Вероники и заодно узнать, чем закончится мой разговор с ней, уже ждал меня внизу. Родион Евгеньевич по-прежнему был бодр, свеж и очень энергичен. Он протянул мне несколько фотографий, на которых я сразу же узнала Вячеслава Колесникова. Видимо, он был достаточно фотогеничен, поскольку на снимках практически не отличался от «живого» изображения на пленке.

Дом, в котором проживала невеста Вячеслава Колесникова, представлял собой новую кирпичную девятиэтажку с резными красными башенками и фигурными балконами. Квартиры здесь все были улучшенной планировки и стоили достаточно дорого.

«Должно быть, в стоматологической клинике «ДЕНТА-ОПТИМА» сотрудникам хорошо платят, – отметила про себя я, сидя в машине, и невольно задумалась над своими предположениями. – Или тут присутствуют вложения со стороны Вероники? А кто она у нас, кстати? Я ведь еще не выяснила, где она работает. Да и работает ли вообще?!»

В это время, словно подтверждая мои мысли, Перетури́н заметил:

– Дом-то видите какой? Элитный. Значит, деньги у Вячеслава были. Неужели он стал бы еще и воровать? К тому же так открыто, да еще и у своего непосредственного начальника? Поганить ложку, из которой он ест, фигурально выражаясь! Ну, даже если предположить, что он был кому-то должен! Он бы сам попросил у Россошанского или, на худой конец, у меня...

Я чуть кивнула, давая понять, что взяла это все на заметку.

– Да бросьте вы, Татьяна, думать об этой версии! – не успокаивался Перетури́н. – Не стоит она того. Я уверен, что Вячеслав так не поступил бы!

– Кстати, Родион, а все-таки вы Вячеслава знаете хорошо. Я не знаю его вовсе. Расскажите о нем как о человеке, – попросила я. – Давайте остановимся вот здесь, – я указала на ближайший сквер, из которого хорошо был виден подъезд, в котором находилась квартира Колесникова.

Родион, пожав плечами, вышел из машины и молча двинулся в указанном направлении. Остановившись, мы купили по большому стакану кваса и пошли к тенистой аллейке. Расположившись на скамейке, я с наслаждением отхлебнула холодный напиток, и Перетури́н начал с риторического вопроса:

– Вячеслав не идеален, конечно, но разве есть идеальные люди?

– Я все же относительно возможности... – встала я, но Перетури́н продолжал:

– Я понимаю, понимаю ход ваших мыслей. И все-таки... Вячеслав никогда бы так не поступил. Во-первых, он не кидал ни друзей, ни партнеров просто так, повинуюсь какому-

то внезапному импульсу. К тому же, вы поймите, у него на носу была свадьба! Стал бы он выкидывать какие-то фортели! Да к тому же, чтобы подставить Россошанского, человека, с которым он работал и от которого не собирался уходить! Да нет, все это смешно! Во-вторых, Вячеслав не был авантюристом. Никогда не был!

– А вы не в курсе, с кем Вячеслав общался помимо сослуживцев? Кому он мог быть должен?

Родион тяжело вздохнул.

– Понимаете, я не очень часто с ним встречался в последнее время. Единственное, что я могу сказать, – ни с каким криминалом он связываться бы не стал. Вы ведь думаете, что он был кому-то должен, а тот настолько крут, что не отдать ему было нельзя... Но зачем ему деньги? На свадьбу? Он и так в состоянии был справить приличную свадьбу. Подарки? Но Вероника не производит впечатление женщины, которой постоянно требуются бриллианты от «Картье» и новые личные «Мерседесы». Нет, все это очень странно. Кому он мог быть должен и почему?

Перетурин мелко закивал. Он нервничал, это было очень заметно. Сейчас он не мог объяснить случившееся. Версия о том, что Вячеслав по каким-то причинам сам мог оказаться виноватым в собственном исчезновении или даже смерти, не укладывалась в голове Родиона.

– Значит, «дом – работа» получается? – невесело усмехнулась я. – И за пределы этих двух мест жизнь Вячеслава Колесникова практически не распространялась?

Перетурин не ответил. Он просто не знал. А это означало, что мне придется самой докапываться до всего. И в этом не было ничего удивительного – это ведь моя работа, и выполнять ее мне чаще всего приходится в одиночестве. Редко выпадали такие дела, когда у меня появлялся помощник типа Родиона. Да и в этом случае главная забота и решающая версия были на моей ответственности. Случалось, правда, обращаться за помощью в милицию – к полковнику Кириянову, к Мельникову или Гарику Папазяну. Но... И Перетурин, и Россошанский были против того, чтобы вмешивать в дело милицию. Мнение Россошанского в случае чего можно было и проигнорировать, но Перетурин был моим клиентом, и я должна была учитывать его пожелания. Да и помочь мне в милиции ничем не могли: никто к ним не обращался, и дела об исчезновении Вячеслава Колесникова даже не существует официально. Вот если... Вот если будет найден его труп, тогда деваться будет некуда: «Дело» заведут, не спрашивая на то согласия ни Перетурина, ни Россошанского, ни кого бы то ни было еще. Но трупа не было, и я все-таки от души надеялась, что и не будет.

Версий сейчас могло быть очень много, в том числе и таких, которые никак не может оправдать и принять Перетурин, потому что Вячеслав ему был другом. Но для меня возможными были пока что любые варианты, в том числе и не соответствующие общественным представлениям о Вячеславе как о личности.

– Скажите, Вероника работает? – спросила я Перетурина.

– Что? – не понял тот. – А... Кажется, нет. Или... Не помню, вроде бы она работала где-то в турфирме. Но вообще у нее, кажется, обеспеченные родители. Да вы лучше у нее спросите, где она работает. А разве это важно?

– Не знаю. Ладно, я пойду. И пойду одна, – сказала я. – Вы говорили ей что-нибудь обо мне?

Родион отрицательно покачал головой.

– Нет, не говорил. Она позвонила мне сразу после того, как я поговорил с Ксенией. Вероника сказала просто, что несколько переживает из-за того, что Вячеслав ей не позвонил и что его номер недоступен. Но она еще не в курсе, что дело может быть серьезным. Гораздо сильнее напугана Ксения, но она обратилась ко мне в расчете на то, что я сам займусь этим делом. А... Я позвонил вам. И уже потом сообщил Ксении об этом. Она не возражала.

– Хорошо. Это хорошо, – произнесла я. – Лучше, если Вероника будет знать как можно меньше. А Ксения обратилась к вам, потому что не хотела впутывать сюда милицию?

– Милиция сама бы не впуталась, – махнул рукой Перетури́н. – Труп не обнаружен, а пропажа человека... Если бы они и стали этим заниматься, то так, спустя рукава. Или если бы им заплатили. А ваш план... – Родион нахмурился. – Не нравится мне это. Вероника – девушка прямая и бесхитростная, она не любит, когда что-то делают за ее спиной. Я рискую лишиться ее расположения.

– Если все выяснится и мы вернем ей жениха или – в крайнем случае – только его доброе имя, думаю, что, как человек здравомыслящий, она будет нам только благодарна, – постаралась успокоить его я и продолжила: – Как вы думаете, кем мне лучше представиться? Так, чтобы она ничего не заподозрила в случае, если она в сговоре с Колесниковым, и одновременно так, чтобы она не ударилась в панику раньше времени, если она ничего не знает?

Родион молчал.

– Она могла позвонить вам просто для отвода глаз, – продолжила я. – Чтобы на нее уж точно никто не подумал.

Перетури́н продолжал отмалчиваться, и я, допив свой квас, выбросила стакан в урну, а потом поднялась со скамейки.

– Ладно, ждите меня в машине. Я постараюсь управиться с разговором как можно быстрее. Я сама придумаю, что сказать.

Я встала и, не оборачиваясь, пошла в направлении подъезда дома Вероники. Я не дошла до двери примерно метров десять, как вдруг дверь распахнулась, и из подъезда вышла молодая стройная девушка с вьющимися темно-каштановыми волосами, спадающими на плечи. Одетая она была в легкий, открытый сарафан светло-розового цвета. Девушка уверенно шла прямо ко мне. Поравнявшись со мной она произнесла:

– Я так полагаю, что вы приехали ко мне? Тогда давайте поднимемся в квартиру.

Я слегка опешила, а потом пожала плечами.

– Давайте поднимемся.

– Я вас сразу заприметила. Как только машину Родиона узнала, выглянув в окно. И уже стала беспокоиться, почему вы не идете, – продолжила Вероника.

– А вы что, знали, что мы собираемся к вам?

– Мне Эдик Россошанский позвонил, – простодушно ответила Вероника. – И предупредил, что вы, скорее всего, приедете в течение часа. Я уже пятнадцать минут наблюдаю за вами с балкона.

– Вот как, – машинально проговорила я, чувствуя, как в душе поднимается волна злости на Россошанского, совершившего поступок, из-за которого теперь все планы летели к чертовой матери. Слежка за Вероникой становилась бессмысленной. Вот ведь упрямый тип! Взят и предупредил девушку, которая может оказаться сообщницей, тем самым дав возможность ей подготовиться к встрече!

Обо всем этом я думала, поднимаясь вместе с Вероникой на лифте на восьмой этаж. Мы ехали молча, и первой молчание нарушила сама Вероника, когда открыла дверь своей квартиры:

– Прошу!

Квартира действительно выглядела отлично, особенно после только что сделанного ремонта. Только мебели в ней было маловато: видимо, Вячеслав Колесников еще не успел до конца обустроить свое жилище.

Вскоре я опустилась в мягкое кресло, а Вероника устроилась на диване напротив.

– Эдуард сообщил мне о... О несчастье, – стараясь говорить ровно, сказала девушка, и я заметила, что на самом деле она очень нервничает – руки едва заметно дрожали, и во всей позе сквозило внутреннее напряжение, – но изо всех сил старается держать себя в руках. – Я очень надеюсь на то, что вы сможете найти Вячеслава...

И, не выдержав, трясущимися пальцами достала из пачки сигарету и попыталась закурить, но руки не слушались, и девушка никак не могла справиться с зажигалкой. Я встала, взяла у нее зажигалку, щелкнула и поднесла ей маленький огонек.

– Спасибо, – хрипловато проговорила она, сильно затачиваясь, и я увидела на ее лице слезы.

– Я отвечу на все ваши вопросы, – твердо сказала Вероника, – только не знаю, поможет ли это вам. Ведь то, что случилось, для меня полнейшая неожиданность.

– Скажите, когда вы видели Вячеслава в последний раз? – стараясь говорить мягче, спросила я.

– Двадцать пятого числа, то есть четыре дня назад. Он привез меня сюда и оставил здесь, сказав, что перебирается к Ксении. Мы, собственно, давно договорились об этом.

– А чем это вызвано?

– Обычаем, – усмехнулась Вероника, но очень невесело. – Я предрассудками не страдаю, а вот Вячеслав верит во всякие там приметы и прочую чепуху. Он сам и настаивал на том, чтобы не встречаться перед свадьбой.

– И что же, вы даже не перезванивались?

– Нет, он звонил каждый день, даже по два раза, – ответила девушка. – И в тот день он должен был мне позвонить. Но не сделал этого. Я, естественно, позвонила Ксении, но она заявила, что ее брат до сих пор не пришел. Он не пришел и поздно вечером, и на следующее утро. Ну, а потом я позвонила Родиону.

– На работе у Вячеслава вы не были?

– Была, – сказала Вероника. – Но там все тоже ничего не знают и крайне удивлены. Россошанский постарался меня успокоить, а потом уехал по каким-то своим делам. А я пошла домой.

В этот момент Вероника расплакалась, и мне пришлось бежать в кухню за водой.

– Скажите, Вероника, кому был должен деньги Вячеслав? – спросила я после того, как хозяйка квартиры успокоилась.

Глаза девушки округлились, и в них отразилось недоумение.

– Не знаю, – ответила она. – Насчет денег... Мы никогда не поднимали эту тему.

– Эта квартира принадлежит Вячеславу? – спросила я, обводя глазами комнату.

– Да, он... Ее купил для нас. Недавно...

– Купил на те деньги, которые заработал в стоматологической клинике?

Данный вопрос совсем поставил бедную Веронику в тупик. Похоже, действительно, материальные вопросы девушку не очень заботили, и она всецело полагалась в них на Вячеслава. Но одно было понятно – Веронике не была выгодна смерть жениха, потому что без загсовской закорючки она не смогла бы претендовать на эту квартиру. И если Вячеслава действительно уже нет в живых, Вероника будет вынуждена отдать квартиру законным наследникам. Интересно, кстати, что это за люди? Хотя я ведь не в курсе юридических моментов между Колесниковым и его невестой. Мне неизвестно доподлинно, кто может претендовать на эту квартиру, а кто нет. Может быть, Вячеслав завещал квартиру своей невесте? Кстати, хорошо бы осветить этот вопрос с помощью Перетурина.

А если предположить, что для покупки этой квартиры Вячеслав был вынужден залезть в долги? Но он, по словам Перетурина, был здравомыслящим человеком и пошел бы на это только в том случае, если бы четко знал, за счет чего он будет расплачиваться. Вероника, конечно, вряд ли здесь что сможет подсказать. Ксения, сестра? Может быть... Кстати, она прояснит и относительно наследников. А вдруг эта свадьба, о которой все трезвонят – и Перетурин, и Россошанский, и сама Вероника, – кому-то мешала? Кому? Тайнственная соперница? Между прочим, отношения с другими женщинами – тоже вопрос не последний. И Перетурин, возможно, здесь что-то знает. Возможно, что знает и Вероника, но... Задай я ей подобный

вопрос сейчас, и ее отношение ко мне может поменяться на негативное, и тогда она больше не пойдет на контакт, а уж тем более сотрудничество. А возможно, и постарается сделать все, чтобы запутать меня и направить по ложному следу. Если еще учитывать ее несколько инфантильную и непрактичную натуру, каковой она показалась мне...

– Скажите, Вероника, а где вы работаете? – задала я совсем простой вопрос.

– Сейчас нигде, – ответила Вересаева.

– А раньше? – терпеливо продолжала я.

– Одно время работала в туристическом агентстве. Но потом уволилась.

– Это Вячеслав хотел, чтобы вы уволились с работы? – с улыбкой спросила я.

Однако даже этот вполне безобидный, на мой взгляд, вопрос заставил девушку нервно передернуть плечами.

– Нет, – неохотно ответила она. – Не Вячеслав.

Я мысленно вздохнула.

– Вероника, а о том, что Вячеслав по просьбе Россошанского в тот день должен был повезти деньги из своей клиники в другую фирму, вы тоже не знали? – со вздохом и без особой надежды на конструктивный ответ спросила я.

И тут вдруг Вересаева испугалась. Это было довольно мимолетно, но не ускользнуло от моего внимания. Она дернулась, а потом, словно стараясь загладить впечатление, стала тереть пальцами складки своей одежды.

– А он... повез? Да? – почти шепотом спросила она.

– Да, повез, – ответила я. – Так вы знали или нет?

– Нет, – покачала головой Вероника. – Вообще Вячеслав не скрывал от меня, если ему предстояли подобного рода дела, для него это было обычным явлением, деньги возить приходилось довольно часто. И на этот раз, я думаю, он не сказал не потому, что хотел это скрыть, а просто разговор не зашел... А может быть, он и сам не знал еще при последней нашей встрече, чем будет заниматься – я же не в курсе, когда именно Эдуард ему поручил это дело.

Она говорила торопливо, опять же словно пытаясь скрыть свое волнение по поводу вопроса о деньгах. Что скрывалось за этим? Я, естественно, ответить на этот вопрос не могла, а предполагать можно было что угодно.

– А его Эдуард попросил, да? – глядя в сторону, уточнила Вероника.

– Да, Эдуард, – подтвердила я. – Насколько я поняла, это было обычным делом для них обоих.

– Да-да, конечно, они же друзья, – подхватила Вероника, закивав головой, а потом вдруг резко сцепила пальцы обеих рук так, что костяшки побелели.

«Проследить за этой дамой все же надо бы, – подумала я. – Что-то тут не то».

– А какие вообще у вас были отношения? – сменила тему разговора я.

– Какие могут быть отношения между людьми, которые собираются пожениться? – пожала плечами Вероника. – Ну, скажу я – хорошие, что, разумеется, правда. Но это же все равно что ничего не сказать! А рассказывать подробно это долго и вряд ли вам интересно. Хотя, конечно, понятно, что не в интересе дело и вы не из любопытства спрашиваете, – тут же поправила она, – просто я не понимаю, какое это имеет отношение к исчезновению Вячеслава...

– Вероника, вы, пожалуйста, все-таки расскажите, – настойчиво попросила я. – А я уж сама решу, имеет это значение или нет.

– Хорошо, постараюсь, – девушка вздохнула, затем набрала в легкие побольше воздуха, словно решаясь, и заговорила.

Она рассказывала о том, как они с Вячеславом познакомились, как развивались их отношения, как они в конце концов решили их узаконить... Я слушала внимательно, но, честно говоря, пока ничего существенного для себя не находила. Отношения как отношения, не всегда

гладкие, но и без особой драматической составляющей. Собственно, я и рассказать-то попросила Веронику в первую очередь для того, чтобы она немного расслабилась.

– ...Мы ничего друг от друга не скрывали, – продолжала Вероника. – Так что если бы Вячеслав знал, что ему угрожает какая-то опасность, он бы обязательно со мной поделился. А он ничего не сказал. Поэтому я думаю, что случилось что-то непредвиденное и... и страшное, – закончила она, и губы ее задрожали. Девушка сразу же отвернулась, чтобы не показывать своих слез.

Я выждала некоторое время, потом сказала:

– Значит, ничего, омрачающего ваши отношения, между вами не было?

Через несколько секунд Вероника сказала:

– Нет. А в последнее время все совсем было хорошо, – и выбежала из комнаты.

У нее вроде бы снова начался истерический приступ. Все это было понятно и вполне адекватно ситуации. «Ну что ж, – сказала сама себе я. – По-моему, тут делать больше нечего. Либо она действительно ничего не знает, либо очень хитрая особа и актриса. И в этом случае я сейчас все равно не добьюсь от нее правды, только рискую попасться на удочку лицемерия и запутаться. Но вопрос о деньгах вызвал у нее волнение, вызвал!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.